

УДК 34.4414

DOI: 10.34670/AR.2021.86.31.029

## Регулирование межполисных отношений древней Греции как прообраз системы международного права: основные черты и институты

**Новичкова Екатерина Дмитриевна**

Студент,  
Юридический институт,  
Самарский национальный исследовательский  
университет им. академика С.П. Королева,  
443086, Российская Федерация, Самара, Московское ш., 34;  
e-mail: katotey@yandex.ru

### Аннотация

Статья посвящена развитию международного права Древней Греции, которое было обусловлено отсутствием у эллинов единого государства, что привело к формированию широкой сети межполисных отношений и, как следствие, способов их регулирования. Особое место среди них занимают союзные объединения полисов, как военно-политические (эпимахии и симмахии), так и социально-религиозные (амфиктионии) – эти политические единицы во многом являются прообразами надгосударственных объединений, характерных для современного международного права. Свообразием и высокой степенью развитости обладали нормы посольского права, а также институты, которые с позиции современности мы могли бы отнести к данной отрасли: проксения и ксенеласия. В работе показано очевидное влияние древнегреческих основ на современное международное право. Фактически можно говорить о том, что именно в античной Греции зародились знакомые нам институты дипломатического (посольского и консульского) права, а также впервые была апробирована практика создания политико-правовых объединений суверенных государств.

### Для цитирования в научных исследованиях

Новичкова Е.Д. Регулирование межполисных отношений древней Греции как прообраз системы международного права: основные черты и институты // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 5А. С. 103-114. DOI: 10.34670/AR.2021.86.31.029

### Ключевые слова

Международное право, полисы, дипломатия, Древняя Греция.

## Введение

В истории древних цивилизаций наибольшее развитие международное право и его институты получили именно в период античности, в связи с чем многие известные нам по сей день конструкции берут свое начало в правовых обычаях Древней Греции.

Как известно, греческое общество античного периода никогда не представляло собой единого государства: на территории Греции существовало множество полисов – городских гражданских общин, являвшихся центрами поселений. Так же и древние греки никогда не считали себя единым народом, отождествляя себя в соответствии с гражданской принадлежностью, а граждан другого полиса почитая за чужаков.

При этом греческие полисы, безусловно, имели тесные связи (экономические, культурные) друг с другом, находясь в постоянном взаимодействии.

Именно это обстоятельство в большей мере повлияло на то, что сообществу греческих городов-государств для регулирования отношений между собой понадобилась относительно универсальная система норм. Таким образом, на территории Древней Греции получили развитие обычные нормы международного права и зародились базовые международно-правовые институты (в том или ином виде известные современному международному праву), основанные на религиозных представлениях древних греков.

## Основное содержание

Основными направлениями развития обычного международного права античной Греции являлись право войны, торговое и дипломатическое право.

При этом обычаи и правила ведения войн были достаточно подробно регламентированы даже в наиболее древние времена греческой истории. Так, одним из них являлось разрешение войны не битвой войск, а схваткой избранных бойцов. Однако постепенно этот обычай сошел на нет, и победителем битвы стала считаться та сторона, за которой оставалось поле боя. Данное событие удостоверялось возведением памятника богам, представлявшего собой столб, увешанный трофейными доспехами и оружием.

Греки не имели критериев справедливости войн: единственным условием правомерности войны являлся порядок, в котором она была объявлена.

Одним из наиболее значимых правил ведения войны являлось право побежденных на погребение павших в битве. Более того, обряд погребения являлся священной обязанностью, и, если побежденные в силу тех или иных обстоятельств не могли ее исполнить, данная обязанность возлагалась на победителей сражения. Однако и в этом случае существовали исключения: описывающий данный обычай Фукидид, делает оговорку о том, что победитель не был связан обязанностью погребения в случае, если побежденный ранее запятнал честь своего полиса святотатством [Фукидид. История, 1999].

По общему правилу положение победителя даровало ему неограниченную свободу действий в отношении побежденного народа: без различия, являлись ли пленные воинами или же мирным населением, они могли быть убиты или обращены в рабство. Обычай войны требовал милосердия лишь к просящим пощады. Однако со временем у греческих племен появилось осознание необходимости смягчения этих порядков (как минимум для улучшения участи своих плененных сограждан), в связи с чем получили развитие институты обмена пленными и их выкупа.

Участь побежденных городов во многом зависела от условий их сдачи (то, что мы бы назвали капитуляцией). При этом на волю победителя отдавались даже святилища, разрушение которых не являлось в данном случае грехом.

Возвращение в состояние мира удостоверялось заключением договора в письменной форме, скрепленного клятвами представителей государств, коими являлись, по обыкновению, представители органов власти и должностные лица. Средством обеспечения договора могли служить заложники. Такой договор, вырезанный на камне или на медной доске, помещался либо в своеобразный репозиторий, хранящий наиболее важные государственные документы, либо мог быть выставлен в святилищах общегреческого значения (например, в Олимпии) [Латышев, 1899].

Одним из примеров такого мирного договора, достаточно содержательные свидетельства о котором оставил Фукидид, является Никиев мир (по имени афинского военачальника Никия) 421 года до н. э., заключенный между Афинами и Спартой и ознаменовавший окончание первого этапа Пелопонесских войн – Архидамову войну.

Из содержания договора следует, что стороны условились:

- о свободе прохода паломников к священным местам по морю и по суше;
- о недопущении военных действий в отношении друг друга и союзников;
- о мирном разрешении споров арбитражем («судом и клятвами»);
- об обмене захваченными территориями и пленными;
- о независимости и свободе от податей храма Аполлона в Дельфах.

Договор, по его условиям, был заключен на срок 50 лет (хотя и действовал лишь шесть из них) и предусматривал возможность и порядок внесения в него изменений посредством специального ритуала [Фукидид. Указ. соч. С. 233-234].

Однако посредством договоров регулировались не только отношения войны и мира, но и торговые связи.

В обычном праве греческих племен главенствовал принцип свободы торговли, означавший право купцов на передвижения по всей территории Древней Греции без препятствий и ограничений при условии уплаты ими торговых пошлин, установленных полисами.

Отступление от этого правила осуждалось: так, после принятия афинянами запрета доступа на рынки и гавани всех городов Афинского морского союза для мегарян (т.н. «мегарская псефизма», по своей правовой природе являвшаяся репрессалией), последние назвали такой запрет противным «общему праву и клятвам между эллинами» [Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. М.: издательство «Наука», 1994. Издание второе, исправленное и дополненное. Т. I. Перикл. С. 237.].

В сфере межполисной торговли древнегреческие города чаще всего заключали соглашения о порядке разрешения споров из сделок, заключенных между гражданами разных государств. Проводя аналогию с современным международным правом, эти договоры мы бы назвали соглашениями о подсудности, в связи с чем их можно считать прообразом международно-правового регулирования частноправовых отношений (международного частного права) и международного коммерческого арбитража.

В целях унификации регулирования межполисной коммерции заключались также договоры об определении единых мер монет и весов (монетные договоры) [Фукидид. Указ. соч. С. 233-234].

Для древнегреческих международных отношений характерно широкое использование института третейского суда.

Его функция могла быть возложена спорящими государствами на Дельфийский оракул, либо третье, не заинтересованное в исходе спора государство. Последнее, в свою очередь, в целях выполнения функции арбитра учреждало специальную комиссию, либо передавало дело существующему в нем суду.

Исполнение решения третейских судов основывалось лишь на доброй воле сторон спора, хотя в качестве обеспечения исполнения мог быть использован залог имущественных ценностей. Тем не менее, силовых мер принуждения к исполнению решений арбитража древнегреческие обычаи не предусматривали. Впрочем, эта проблема хорошо знакома и современному международному праву.

Несмотря на то, что одной из определяющих черт древнегреческого общества (и как следствие, системы его регуляторов) являлась обособленность и независимость отдельных племен, для их межгосударственных отношений, напротив, весьма характерно стремление к политическим объединениям посредством союзов.

Древнегреческие межполисные союзы создавались, исходя из внешнеполитических интересов, и имели, в первую очередь, военное значение. В зависимости от направленности такие союзы принято делить на два вида: эпимахии (оборонительные) и симмахии (наступательные).

Эпимахия (др.-греч. Ἐπιμαχία – «сражаюсь против») представляла собой политическое объединение полисов в целях совместной защиты и предусматривала помощь союзнику, подвергнутому нападению внешнего врага. Помимо совместных оборонительных действий, члены союза могли договориться о последующем контрнаступлении на территории государства-обидчика, как правило, сопряженным с их опустошением [Фукидид. Указ. соч. С. 235.].

Союзы в форме эпимахии не получили широкого распространения, однако являлись политическим инструментом, позволявшим избегать прямой конфронтации с полисами, не входящими в союз, поскольку не предусматривали обязанности военной помощи в случае, если один из участников эпимахии объявит войну третьему государству.

Наиболее значительное влияние на межполисные отношения греков оказали симмахии (др.-греч. Συμμαχία – «сражаюсь вместе»), ставшие, фактически, самостоятельными единицами международных отношений. Наиболее известными и влиятельными симмахиями в истории Древней Греции стали Пелопоннесский союз и Делосский союз, находившиеся в противоборстве между собой.

Объединяясь под эгидой симмахии, союзники заключали договор (как правило, письменно) и клялись иметь одних друзей и врагов и фактически делегировали часть своей внешнеполитической правосубъектности союзу, а точнее, наиболее влиятельному его участнику. Например, члены Пелопоннесской симмахии полностью зависели от политической воли Спарты, а Делосской – от Афин.

Симмахии имели свои органы управления. Как правило, такими органами являлись собрания союзников, представленных выборными делегатами или членами выборных органов власти. Например, совет Пелопоннесского союза возглавляли спартанские эфоры. Кроме того, симмахии имели собственную казну, формируемую из податей их членов союза в целях содержания общего войска.

Симмахии исключали для своих участников возможность заключения мира с врагом союза, как запрещали самостоятельное объявление войны (в таком случае союзники не были обязаны помогать в военных действиях). Любое политическое решение должно было быть принято

исключительно органами симмахии. Несоблюдение условий союзного договора влекло для нарушителя крупный штраф, либо каралось исключением из симмахии.

Такие союзы существовали на протяжении практически всей истории Древней Греции, вплоть до завоевания ее территорий римлянами.

Еще одним видом политического союза, носившего при этом не военный, а религиозный характер, являлись амфикинии (от др.-греч. ἀμφι-κτίονες — «жители окрестностей»), создававшиеся несколькими племенами для совместного почитания божества.

Эволюция амфикиний была связана с накоплением при храмах и святилищах в результате жертвоприношений имущества и ценностей, и как следствие, необходимостью их охраны и защиты.

Первоначальной целью создания таких объединений были совместные празднества и жертвоприношения, однако постепенно во время торжественных мероприятий стали происходить совещания по политическим вопросам.

Политическая значимость амфикиний, в итоге, достигла уровня, при котором они имели возможность влиять на межплеменные (межполисные) отношения вплоть до запрещения войны и объявления священных перемирий (иеромемия).

Наибольшее влияние и, как следствие, известность среди древнегреческих амфикиний получила Дельфийско-фермопильская амфикиния, она же Дельфийский союз.

Несмотря на то, что первоначально данная амфикиния создавалась вокруг храма Деметры Амфикиониды при Фермопилах, довольно скоро именно дельфийское собрание стало иметь гораздо больший политический вес, нежели фермопильское.

Данное обстоятельство вполне закономерно, поскольку к VII-VI векам до н.э. храм Аполлона в Дельфах приобрел поистине общегреческое значение, обусловленное не только степенью почитаемости божества, но и нахождением при храме оракула – святилища, в котором прорицательницы Пифии давали предсказания паломникам.

Состав Дельфийского союза был достаточно многочисленным. Точное количество участвовавших в нем племен варьируется у авторов. Так, Эсхин называет двенадцать племен, каждое из которых имело два голоса: фессалийцы, беотийцы, дорийцы, ионийцы, перребы, магнеты, долопы, локры, этейцы, фтионийцы, малийцы и фокейцы [Эсхин. Речи. О преступном посольстве/ «Вестник древней истории». 1962. № 3].

В свою очередь, приводятся также сведения о том, что в амфикинию входили семнадцать племен: фессалийцы, магнеты, фтиоты, энианы, беотийцы, фокейцы, дельфийцы, дорийцы из средней Греции, дорийцы из Пелопоннеса, восточные локры, западные локры, афиняне, эвбейцы, перребы, малийцы, долопы и этейцы. При этом лишь семи из них принадлежало два голоса, а остальным – по одному [Латышев В.В. Указ. соч. С. 291; Wescher C. Etude sur le monument bilingue de Delphes. Paris. 1869.].

Собрания амфикинии происходили дважды в год: осенью и весной. По обычаю участники собрания сначала посещали храм Деметры в Фермопилах, где совершали жертвоприношение, а затем направлялись в Дельфы.

В собрании могли участвовать все желающие граждане входящих в союз полисов. Однако непосредственно деятельность от имени амфикинии осуществляли специальные представители племен – иеромнемоны, которые избирались в родных полисах. Количество таких представителей соответствовало количеству голосов, принадлежащих участнику союза.

Всего членами амфикинии избирались 24 иеромнемона, в обязанности которых входило фактическое управление делами союза, как то: забота о храме и принадлежащих ему

территориях и ценностях, поддержание порядка, установленного амфикионскими уставами, решение вопросов священного перемирия, а также организация религиозных мероприятий (например, Пифийского праздника) и взыскание штрафов с нарушителей порядка [Латышев В.В. Там же. С. 293.].

При этом иеромнемоны выполняли роль скорее религиозных представителей племен, их деятельность носила именно хозяйственно-распорядительный характер. Наряду с иеромнемонами представителями участников амфикионии являлись пелагоры, выполнявшие политические функции, и также имевшие в совокупности 24 голоса.

Для постановления решения Дельфийского союза оно сначала утверждалось иеромнемонами, а затем передавалось на общий совет, где помимо иеромнемонов участвовали пелагоры. Таким образом, итоговое решение принимало общее собрание представителей. Это собрание, помимо прочего, могло выполнять роль формального арбитража в случае, если заключившие с амфикионией союз полис или частное лицо нарушали свои обязательства.

В истории Дельфийской амфикионии известны и случаи так называемых «священных войн», ставших ответом на осквернение святилища Аполлона.

Самой известной «священной войной» считается Крисейская война, относящаяся к началу VI века до н.э. Причиной войны послужило неуважение жителей города Криса, соседствующего с Дельфами, как к паломникам храма Аполлона, так и к самому святилищу. С дозволения (либо по прямому указанию) оракула амфикионы пошли войной на крисийцев и, взяв город путем осады, обратили все его земли в собственность дельфийского храма.

Указанные события даже послужили созданию особого праздника – Пифийских игр, проводившихся на 3 год каждые Олимпийских игр.

Кроме того, «священные войны» сыграли немалую роль в последующем становлении царя Македонии Александра, отец которого, Филипп, получил политическое влияние именно посредством политических интриг в рамках Дельфийского союза.

Однако несмотря на то, что в конечном итоге амфикионии из религиозных союзов приобрели чисто политический характер, их сакральные истоки повлияли на формирование на территории Древней Греции основ гуманитарного права.

Именно в клятве амфикионов мы видим принесение обетов, смягчающих обычаи ведения войн. В частности, в соответствии с клятвой, участники союза обязывались не разрушать городов, принадлежащих к союзу, не отводить у них вод ни в военное, ни в мирное время.

Таким образом, разнообразие военных и политических союзов древнегреческих племен позволяет сделать вывод не только о развитости межполисных (как эквивалента и прообраза международных) отношений, но и многообразии способов и форм их регулирования посредством норм обычного права. Именно они со временем будут восприняты и трансформированы в межгосударственные союзы и международные организации.

Многообразие межполисных связей обусловило, в свою очередь, появление отдельной категории лиц, обеспечивающих механизмы регуляции внешнеполитических отношений. Такими лицами в Древней Греции являлись послы, называемые первоначально вестниками («ангелос» или «керюкс»), а затем – старейшинами.

Избрание послов являлось прерогативой народного собрания. Их назначали из числа лиц, достигших пятидесятилетнего возраста. При этом, как правило, ими становились наиболее влиятельные, как с точки зрения материального благосостояния, так и авторитета, граждане. Посольские функции могли быть возложены на архонта-полемарха (военачальника). Известны также случаи назначения старейшинами актеров, что было обусловлено навыками красноречия:

актером являлся знаменитый греческий дипломат и оратор Эсхин.

Количество старейшин, входящих в одно условное «посольство», варьировалось от случая к случаю и не регламентировалось законами полисов. Первоначально все участники посольства были равны между собой, но со временем появилась традиция избрания архистарейшины. Посольства финансировались полисами, для содержания старейшин выдавались «дорожные деньги», а также выделялась прислуга.

Посольства имели колоссальное значение для межполисных отношений: вестники и старейшины в Древней Греции вели переговоры о заключении и изменении договоров, а также непосредственно объявляли противнику о начале войны. Именно они обеспечивали политические коммуникации полисов.

Цель посольства и инструкции послам в каждом конкретном случае формулировались и прописывались на «дипломе» – грамоте, представляющей собой две скрепленных между собой дощечки. Этот атрибут удостоверял полномочия посла. Знаменит он и тем, что послужил истоком слову «дипломатия».

Стоит отметить, что деятельность посольства была максимально прозрачной и публичной: о целях своего визита старейшины сообщали на общих собраниях граждан принимающего полиса, после чего присутствующие обсуждали заявление послов, либо передавали право решения по этому вопросу специальной комиссии. По возвращении в родной полис посольство также отчитывалось о результатах своей миссии народному собранию [Потемкин, 1941-1945].

Статус посла в Древней Греции всегда характеризовался наличием у него личной неприкосновенности. Считалось, что вестникам покровительствует сам бог Гермес, следовательно, причинить вред послу фактически означало оскорбить бога. Как правило, послы пользовались уважением принимающей стороны, им обеспечивался достойный прием.

Таким образом, статус дипломатического представителя в Древней Греции с его привилегиями и неприкосновенностью довольно характерен для международно-правовых обычаев Древнего мира в целом.

Однако среди древнегреческих международных обычаев существовали уникальные институты, которые мы условно могли бы отнести к сфере дипломатического права, впервые упомянутые именно в греческих источниках.

Одним из таких институтов являлась проксения (др.-греч. *προξενία*), представлявшая собой право чужестранца (представителя другого полиса) на гостеприимство.

Проксения имела древние истоки и возникла как естественное развитие ксении – обычая гостеприимства, при котором у хозяина и его гостя возникали взаимные обязательства, скрепленные клятвой. В свою очередь, проксения лица утверждалась решениями народных собраний.

Наиболее логичной кажется точка зрения о том, что возникновение проксении было постепенным: если первоначально чужеземцы останавливались у частных лиц (чье положение могло позволить им принять гостя – как правило, это были аристократы) и служили им, со временем такая служба трансформировалась в отношения непосредственно с полисом и стала, по сути, публичным институтом [Herman, 1987].

В литературе наиболее раннее свидетельство о данном обычае встречается у Пиндара. Именно Пиндар (который сам был афинским проксеном) отмечает, что проксения являлась обычаем, основанным на принципах частного обычая ксении [Pavlou, 2012].

Однако первое упоминание проксении относят к концу VII века до н.э., оно представляет собой надпись на кенотафе, найденном в Керкире, и посвященном некоему Менекрату из Локр

Озолийских, бывшего «проксеном народа». В связи с этим исследователи полагают, что зарождение института связано именно с локрами, однако наверняка определить это не представляется возможным.

Так или иначе, к V веку до н.э. обычай проксении распространился по всей территории Древней Греции.

Проксения предполагала взаимовыгодное сотрудничество полиса и проксена. Например, в Афинах основная часть проксений даровалась за политические или военные услуги полису.

Предлагать себя в качестве проксена мог любой человек. При этом обращение с просьбой о проксении подавалось, как правило, гражданином полиса, которому чужеземцем были оказаны услуги.

Фактически проксен являлся фигурой постоянного представительства одного полиса в другом, поскольку зачастую оказывал услуги постою своим согражданам или другим иностранцам (в том числе купцам), принимал у себя послов, являлся посредником для иноземцев в осуществлении религиозных обрядов (например, жертвоприношение могло быть принесено ими только через проксена [Pouilloux, 1074]).

Однако это обстоятельство не означало полного подчинения проксена интересам родного полиса. Напротив, зачастую они выступали именно в качестве самостоятельных фигур, хотя и способствовали укреплению межполисных отношений.

В связи с этим положение проксена на родине зависело от множества факторов, основными из которых являлись личный авторитет и политическая ситуация (в первую очередь – между двумя полисами, гражданином и проксеном которых являлся человек).

Разумеется, чаще всего родному полису было выгодно использовать проксена для удовлетворения своих политических интересов: нередко проксен выступал в роли дипломата или способствовал послам. Тем не менее, известны случаи, когда статус проксена использовался согражданами, чтобы подчеркнуть неблагонадежность лица [Perlman, 1958].

Отдельный вопрос для исследователей представляет роль проксенов в межполисных отношениях в качестве шпионов. Казалось бы, данный статус давал большое пространство для расширения влияния в другом полисе, а также уникальную возможность для получения внутренней информации о его состоянии. Тем не менее, большинство историков отвергают теорию о систематическом использовании проксенов как профессиональных шпионов, указывая на то, что подобные ситуации представляли скорее исключение из общего правила [Lewis, 2002].

Значимость проксении особо показательна с точки зрения привилегий проксенов: в перечне почестей проксения всегда находилась на первом месте как изначальная по отношению к остальным привилегиям [Никитский, 1901]. Отдельным проксенам могли дароваться привилегии, фактически возвышавшие их над гражданами, например, в III в. до н.э. ликийцу Демарху предоставили гражданские права и право входить в совет и народное собрание после посольств от царей и священных посольств и просить все, что ему нужно [Decree honouring Lykourgos of Boutadai/ Sylloge Inscriptionum Graecarum].

Важной чертой статуса проксена являлось недопущение причинения ему вреда жителями принимающего полиса. Геродот на это приводит цитату афинян проксену, бывшему посредником в мирных переговорах: «Ты - наш гостеприимец и друг и потому нам не угодно, чтобы ты как-нибудь пострадал от нас, афинян» [Геродот, 2004].

На закате истории Древней Греции положение проксена в любом случае предполагало охранявшие их личность и имущество привилегии, такие, как асилия и асфалея



(неприкосновенность личности и имущества во время войны и в мирное время), ателия (освобождение от налогов) и продикия (право на рассмотрение судебных дел проксена вне очереди) [Rigsby Kent, 1996]. Проксен имел право приобретать в собственность недвижимое имущество на территории полиса.

С учетом изложенного фактически институт проксении представлял собой древнегреческий аналог института постоянного дипломатического представительства (посольства или, скорее, консульства). Указанный вывод подчеркивается, исходя из статуса проксена, в частности, набора его привилегий и характера деятельности на территории полиса.

Еще одним институтом обычного международного права Древней Греции, нашедшим отражение в современном дипломатическом праве, является ксенеласия (др.-греч. ξενηλασία), дословно — «изгнание чужеземцев».

Ксенеласия упоминается у древнегреческих авторов как практикуемая лишь двумя государствами: Спартой и Критом (чье государственное устройство было очень схоже со спартанским). Ксенофонт в «Лакедемонской политике» называет ксенеласию средством сохранения спартамцами того образа жизни и устоев, которые были введены Ликургом [Ксенофонт, 2013].

Ксенеласии в Спарте осуществлялись посредством административных распоряжений высшего органа власти: как правило, для этого было достаточно приказа царя или решения эфоров. Данное распоряжение носило сакральный характер, а его неисполнение приравнивалось к нарушению религиозных норм.

При этом достоверно известно, что спартанская практика ксенеласии осуждалась другими полисами. Так, в своей надгробной речи, относящейся к 431-430 гг. до н.э., Перикл, воздавая почести павшим воинам, подчеркнул, что Афины, в отличие от своих противников, не препятствуют с помощью ксенеласии чужеземцам «ни учиться у них, ни осматривать их город» [Фукидид. История, 1999]. В данном случае, как принято считать, слова Перикла являются ответом на практику изгнания чужаков из Спарты в предвоенный период в целях предотвращения утечки информации о боевой готовности лакедемонян [MacDowell, 1986].

При этом исследователи сходятся во мнении, что ксенеласии использовались в Спарте не только в связи с грядущей войной, но и в целом для минимизации влияния представителей других полисов на жителей Лаконики. Это мнение подтверждается и греческими авторами. Например, Флавий Филострат пишет, что спартанцы «поголовно подвергают чужаков изгнанию» [Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского, 1985], а Плутарх — что Ликург изгонял из страны всех, кто «прибывал без какой-либо нужды или определенной цели», дабы «зорче беречь город от дурных нравов» [Плутарх, 1994].

Обобщая источники, А.В. Зайков делает вывод о том, что любое упоминание в них ксенеласии связано с эпизодами изгнания либо конкретных лиц (например, опальных царей, искавших союза), либо иноземцев определенных категорий. К таковым он относит, в частности, лиц, заподозренных в шпионаже, вооруженные отряды других полисов, а также людей, представляющих нежелательные или «бесполезные» для спартанского строя профессии (ими могли быть ремесленники, например, ювелиры, и торговцы) или шарлатанов [Зайков, 1999].

Иными словами, изгнанию подвергались лишь те иноземцы, чье присутствие по той или иной причине являлось нежелательным или даже опасным, исходя из конкретной обстановки.

## Заключение

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что спартанский институт ксенеласии является древним прообразом существующей в современном дипломатическом праве практики наделения лица статусом *persona non grata*, означающим нежелательность пребывания на территории принимающего государства иностранного гражданина (в частности, дипломата), либо отказ в его аккредитации. Данный институт в настоящее время регламентирован Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 года.

Подводя итог исследованным обычаям и формам осуществления межполисных отношений в Древней Греции, отметим очевидное влияние древнегреческих основ на современное международное право. Фактически можно говорить о том, что именно в античной Греции зародились знакомые нам институты дипломатического (посольского и консульского) права, а также впервые была апробирована практика создания политико-правовых объединений суверенных государств.

## Библиография

1. Геродот. История / пер. и прим. Г. А. Стратановского. Л.: 1972. 600 с.
2. Грабарь В.Э. Первоначальное значение *ius gentium*: Из научного наследия проф. В.Э. Грабаря // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 148. 1964. 40 с.
3. Зайков А. В. Спартанские ксенеласии // Античная древность и средние века. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т: Волот. 1999. Вып. 30. С. 6-25
4. История зарождения современного международного права / Таубе М. А. СПб.: Типо-Литогр. П. И. Шмидта. Т. 1. 1894. 370 с.
5. История политических и правовых учений: Учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. 4-е изд., перераб. и доп. М.: «Норма». 2004. 944 С.
6. Ксенофонт. Лакедемонская полития (пер. Г. А. Янчевецкого с исправлениями и примечаниями) // Зайков А.В. Общество древней Спарты. Екатеринбург: Изд. Уральского ун-та, 2013. С. 178-194.
7. Латышев В.В. Очерк греческих древностей. 2-е-изд. СПб. 1899. 368 с.
8. Международное право / Отв. ред. Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М. 2010. 584 с.
9. Никитский А.В. Исследования в области греческих надписей. Юрьев. 1901. 286 с.
10. Потемкин В. П. История дипломатии. Том 1: с древнейших времен до нового времени. М.: 1941-1945. 567 с.
11. Талалаев А. Н. Право международных договоров. Том 1: Общие вопросы / отв. редактор Л. Н. Шестаков. М.: «Зерцало». 2009. 768 с.
12. Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского/ изд. подг. Е. Г. Рабинович; отв. М. Л. Гаспаров. М.: «Наука». 1985. 328 с.
13. Фукидид. История. /пер. с греческого Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелева под ред. Э.Д. Фролова. СПб.: «Наука», «Ювента». 1999. 590 с.
14. Эсхин. Речи. О преступном посольстве // «Вестник древней истории». 1962. № 3 [Электронный ресурс]. — URL: <http://ancientrome.ru/antlitrr/aeschines/aesch2-f.htm> (дата обращения 12.03.2021).
15. Herman G. Ritualised Friendship and the Greek City. Cambridge, 1987.212 p.
16. Lewis S. News and Society in the Greek Polis. London, 1996. 206 p.
17. MacDowell D.M. Spartan Law. Edinburgh, 1986. 182 p.
18. Pavlou M. Fathers in absentia in Pindar's Epinician Poetry // Greek, Roman, and Byzantine Studies. Vol. 52. 2012. P. 57-88.
19. Perlman S. A Note on the Political Implications of Proxenia in the Fourth Century BC // The Classical Quarterly. 1958. Vol. 8. P. 185-191.
20. Rigsby Kent J. Asyilia: Territorial Inviolability in the Hellenistic World. Berkeley; Los Angeles; London, 1996. 672 p.
21. Sastry K.R.R. Hinduism and international law. Recueil de Cours. 1966 (I). Vol. 117. P. 503-616.

---

## Regulation of Inter-political relations of ancient Greece as a prototype of the system of international law: main features and institutions

**Ekaterina D. Novichkova**

Student,  
Law Institute,  
Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev,  
443086, 34, Moskovskoe ave., Samara, Russian Federation;  
e-mail: katotey@yandex.ru

### Abstract

The article is devoted to the development of the international law of Ancient Greece, which was due to the lack of a single state among the Hellenes, which led to the formation of a wide network of inter-political relations and, as a result, ways of regulating them. A special place among them is occupied by the allied associations of polis, both military-political (epimachia and symmachia) and socio-religious (amphictyonia) – these political units are in many ways prototypes of supranational associations characteristic of modern international law. The norms of embassy law, as well as institutions that, from the standpoint of modernity, we could attribute to this branch: proxenia and xenelasia, were peculiar and highly developed. The paper shows the obvious influence of the ancient Greek foundations on modern international law. In fact, we can say that it was in ancient Greece that the familiar institutions of diplomatic (embassy and consular) law were born, and the practice of creating political and legal associations of sovereign states was tested for the first time.

### For citation

Novichkova E.D. (2021) Regulirovaniye mezhpolisnykh otnoshenii drevnei Gretsii kak proobraz sistemy mezhdunarodnogo prava: osnovnyye cherty i instituty [Regulation of Inter-political relations of ancient Greece as a prototype of the system of international law: main features and institutions]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 11 (5A), pp. 103-114. DOI: 10.34670/AR.2021.86.31.029

### Keywords

International law, policies, diplomacy, Ancient Greece.

### References

1. Herodotus. History / per. and note by G. A. Stratanovsky. L.: 1972. 600 p.
2. Grabar V. E. The original meaning of ius gentium: From the scientific heritage of Prof. V. E. Grabar // Scientific Notes of the University of Tartu. Issue 148. 1964. 40 p.
3. Zaikov A. B. Spartan xenelasia // Ancient antiquity and the Middle Ages. Yekaterinburg: Ural. state University: Volot. 1999. Issue 30. pp. 6-25
4. The history of the origin of modern international law / Taube M. A. St. Petersburg: P. I. Schmidt's Typo-Litogr. Vol. 1. 1894. 370 p.
5. The history of political and legal doctrines: A textbook for universities / under the general ed. of V. S. Nersesyants. 4th ed., reprint. and an additional m.: "Norm". 2004. 944 P.
6. Xenophon. Lakedemon'skaya politiya (per. G. A. Yanchevetsky with corrections and notes) // Zaikov A.V. Society of ancient Sparta. Yekaterinburg: Ed. Ural State University, 2013. pp. 178-194.
7. Latyshev V. V. An essay on Greek Antiquities. 2nd-ed. St. Petersburg. 1899. 368 p.

8. International law / Ed. by G. V. Ignatenko and O. I. Tiunov. 5th ed., reprint. and additional M.: Norm: INFRA-M. 2010. 584 p.
9. Nikitsky A.V. Research in the field of Greek inscriptions. Yuriev. 1901. 286 p.
10. Potemkin V. P. History of Diplomacy. Volume 1: from ancient times to modern times. Moscow: 1941-1945. 567 p.
11. Talalaev A. N. The law of international treaties. Volume 1: General questions / editor L. N. Shestakov. M.: "Mirror". 2009. 768 p.
12. Flavius Philostratus. The life of Apollonius of Tiansky/ ed. podg. E. G. Rabinovich; ed. M. L. Gasparov. M.: "Science". 1985. 328 p.
13. Thucydides. History. / translated from the Greek by F. G. Mishchenko and S. A. Zhebelev, edited by E. D. Frolov. St. Petersburg: "Science", "Juventa". 1999. 590 p.
14. Aeschines. Speeches. About the criminal embassy // "Bulletin of Ancient History". 1962. No. 3 [Electronic resource]. - URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/aeschines/aesch2-f.htm> (accessed 12.03.2021).
15. Herman G. Ritualised Friendship and the Greek City. Cambridge, 1987. 212 p.
16. Lewis S. News and Society in the Greek Polis. London, 1996. 206 p.
17. MacDowell D.M. Spartan Law. Edinburgh, 1986. 182 p.
18. Pavlou M. Fathers in absentia in Pindar's Epinician Poetry // Greek, Roman, and Byzantine Studies. Vol. 52. 2012. P. 57-88.
19. Perlman S. A Note on the Political Implications of Proxenia in the Fourth Century BC // The Classical Quarterly. 1958. Vol. 8. P. 185-191.
20. Rigsby Kent J. Asyilia: Territorial Inviolability in the Hellenistic World. Berkeley; Los Angeles; London, 1996. 672 p.
21. Sastry K.R.R. Hinduism and international law. Recueil de Cours. 1966 (I). Vol. 117. P. 503-616.